

ХРОНИКА

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ
НА XIII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Византиноведение на XIII Международном конгрессе исторических наук, состоявшемся 16—23 августа 1970 г. в Москве, было представлено достаточно широко. В структуру Конгресса была включена специальная Комиссия по византийским исследованиям, представлявшая Международную ассоциацию византистов. Доклады по византистике были прочитаны и в секции «Средневековье». В работе Конгресса приняли участие известные византисты многих стран: Г. Острогорский, В. Мошин (Югославия), Э. Арвейлер, И. Сорлен, Э. Антониадис-Бибику (Франция), И. Шевченко, Ф. Дворник (США), Д. Закитинос, М. Мануссакас (Греция), И. Ирмшер, Э. Вернер, Х. Кэпштейн (ГДР), Г. Хауссиг, Л. Мюллер (ФРГ), А. Барта (Венгрия), Д. Ангелов, И. Дуйчев, Б. Примов, М. Андреев, В. Тыцкова-Займова, Г. Цанкова, В. Велков (Болгария), М. Берза, Э. Станеску (Румыния), К. Киррис (Кипр), советские византисты из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Грузии, Армении и Азербайджана.

На заседаниях Комиссии по византийским исследованиям и в секции «Средневековье» было прочитано девять докладов преимущественно по двум темам — «Типология генезиса феодализма в Византии» и «Русско-византийские отношения».

Проблема «Типология генезиса феодализма в Византии» была поставлена в коллективном докладе советских ученых *З. В. Удальцовой* и *Е. В. Гутновой* «Проблема генезиса феодализма в странах Европы». Этот доклад, открывший заседания секции «Средневековье», привлек исключительно большое внимание ученых и вызвал плодотворную дискуссию.

В докладе были подведены итоги изучения проблемы генезиса феодализма в марксистской медиэвистике за последние годы. В результате обобщения большого фактического материала докладчики предложили типологию генезиса феодализма в странах Европы на основе марксистско-ленинского понимания его как социально-экономической формации. В докладе было выделено три типа генезиса феодализма в Европе. Первый тип — так называемого «уравновешенного» синтеза — нашел свое воплощение в Западной Европе, в Северной Галлии, у некоторых славянских народов Юго-Восточной Европы (сербов и хорватов). Для этого типа синтеза характерно относительно равномерное участие позднеримских и варварских элементов. Второй тип генезиса феодализма — со значительным преобладанием античных начал — был присущ странам Южной Европы и достиг завершения в Византии. Третий тип генезиса феодализма — почти или совсем бессинтезный — был характерен для тех регионов Европы, которые не знали римского господства — Северо-Западной Германии, Скандинавии, областей западных и восточных славян (Русь, Польша, Чехия)¹.

В разделе доклада о втором типе генезиса феодализма, подготовленном *З. В. Удальцовой*, была дана характеристика специфических особенностей становления феодальных отношений в Византии.

Синтез элементов феодализма в Византии проходил при значительном преобладании античного наследия. Исходным моментом синтеза была византино-славянская община, которая в силу своей экономической структуры, административной, судебной, податной общности отличалась большей устойчивостью и жизнеспособностью по сравнению с общинами-марками в Западной Европе. Борьба против централизованного натиска государства приводила ее к внутреннему сплочению, замедляла складывание феодальной вотчины и сеньориальной эксплуатации. Лишь с конца IX в. община подвергается постепенному разложению и становится источником формирования феодальной собственности и крестьянской зависимости. В процессе формирования феодальной зависимости крестьянства в Византии более активное участие, нежели

¹ Полный отчет о докладе *З. В. Удальцовой* и *Е. В. Гутновой* и дискуссии по нему дан в сб. «Средние века», вып. 34, 1971, стр. 8—47. Мы останавливаемся лишь на разделе доклада, посвященном истории Византии.

на Западе, принимали рабы, мистии и другие унаследованные от рабовладельческого периода категории зависимых людей.

Генезис феодализма в Византии совершался в условиях сохранения сильного централизованного государства, которое способствовало закреплению массы «свободных» земледельцев, превращая их в государственных крестьян — димосиариев, плативших государству феодальную ренту в виде централизованной ренты — налога. Таким образом, закрепление крестьянства в Византии стало возможно прежде всего через подчинение общины государством как представителем власти феодалов. Такой способ закрепления крестьян тормозил складывание феодальной вотчины, и византийские феодалы находились под определенным контролем центральной власти. Государство ограничивало численность париков, живших в поместьях, размеры ренты, сохраняло за собой право конфискации земель вотчинников. Поэтому в Византии феодальные институты — прония, харистикий, экскуссия, близкие соответствующим учреждениям Запада, сложились позднее — лишь к XI—XII вв. В Византии возникли своеобразные формы пронии: первоначально это было пожалование феодалу определенной квоты налогов, а затем земельного владения, экскуссия же длительное время сводилась к податному иммунитету. Существование централизованного государства в Византии препятствовало полнейшей кристаллизации иерархической структуры собственности и системы вассалитета, характерных для феодальных порядков в Западной Европе.

Одним из существеннейших отличий генезиса феодализма в Византии было сохранение городов в качестве центров ремесла и торговли. Деурбанизация ощущалась здесь слабее, чем в других регионах Европы. Это наложило свой отпечаток и на состав господствующего класса в Византии, где видное место занимали городские торгово-ремесленные круги и чиновная знать. Борьба этих слоев византийского общества и провинциальной феодальной знати также тормозила складывание крупного феодального землевладения и отодвигала победу феодализма.

В ходе обсуждения доклада З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой типологии генезиса феодализма, предложенная советскими учеными, получила поддержку. Дискуссия шла преимущественно по линии уточнения и развития предложенной типологической модели, а также в направлении уточнения факторов феодализации в различных регионах Европы.

Весьма содержательным было выступление академика Г. А. Острогорского (Югославия), который изложил некоторые положения своей концепции исторического развития империи, в частности своего понимания роли общины в процессе становления феодализма в Византии. По мнению Г. А. Острогорского, община в Византии была не столько источником, сколько жертвой процесса феодализации, так как с возращением земельной собственности феодалов община слабела и распадалась. Г. А. Острогорский считает, что феодализм в Византии нельзя рассматривать как прямое продолжение рабовладельческого строя. Поэтому следует проявлять большую осторожность при изучении проблемы континуитета античных институтов в Византии, особенно рабовладения.

Г. А. Острогорский не согласился с приведенной в докладе характеристикой пронии, которая, по его мнению, была прежде всего земельным пожалованием, но не пожалованием квоты налогов.

З. В. Удальцова в заключительном слове отметила, что споры в науке по этим вопросам закономерны, они ведутся давно и свидетельствуют о недостаточной еще изученности ряда сложных проблем византистики.

Широко обсуждалась на Конгрессе проблема русско-византийских отношений. Этой теме был посвящен один доклад в секции «Средневековье» (Д. Д. Оболенского) и вся программа заседаний Комиссии по византийским исследованиям.

Как известно, проблема эта дискутируется в литературе уже более столетия, но если раньше она пользовалась преимущественным вниманием русских, а затем советских ученых, то в самые последние годы интерес к ней возрос во многих странах мира. Выражением этого интереса явилось, в частности, то обстоятельство, что на XIII Международном конгрессе византистов в Оксфорде в 1966 г. проблема «Византия и Русь» заняла одно из центральных мест. В Оксфорде с коллективным докладом на эту тему выступили советские ученые З. В. Удальцова, А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. На Московском конгрессе фактически была продолжена дискуссия, начатая в Оксфорде.

Все доклады, прочитанные на Конгрессе в Москве, касались общей темы — место Византии и Руси в средневековом мире и влияние Византии на Русь. Наиболее остро эта проблема стояла при анализе политических взаимоотношений двух государств, при решении вопроса — была ли Русь вассалом Византии или политически независимым государством. В двух докладах на эту тему — Д. Д. Оболенского и Г. А. Острогорского — было дано два различных ее решения.

Профессор Оксфордского университета Д. Д. Оболенский в докладе «Связи между Византией и Русью в XI—XV вв.» из широкого круга вопросов поставленной темы ограничился рассмотрением лишь трех проблем, которые он считал наиболее важными: 1) какие мотивы побуждали правящие классы Византии и русских государств поддерживать и развивать отношения между этими странами? 2) насколько византийская

теория гегемонии империи могла ужиться с политическим суверенитетом русских правителей? 3) как византийское культурное влияние воспринималось различными социальными группами средневековой Руси?

Рассматривая мотивы русско-византийских связей, докладчик на первый план выдвинул факторы идеологического порядка, подчеркнув большую роль духовных и моральных доктрин христианства. Но он не отрицал и роли политических и экономических соображений в развитии отношений империи с Русью. В Константинополе высоко ценились торговля с Русью, русские наемники, военная и финансовая помощь русских. Среди существенных причин, побуждавших Русь поддерживать связи с империей, докладчик отметил стремление к приобщению к византийской цивилизации, соображения престижа, проистекавшего из политического союза с Византией, возможность руководствоваться авторитетом и опытом византийской церкви.

При решении второго вопроса — была ли Русь вассалом империи или политически независимой державой — проф. Д. Д. Оболенский придает большое значение византийской политической доктрине, согласно которой верховная власть византийского императора распространяется на весь цивилизованный мир и соответственно охватывает те земли Восточной Европы, которые в отношении религии и культуры попадают в орбиту империи. По мнению докладчика, предусматриваемое византийской политической философией «международное объединение наций» (его терминология!) можно с полным основанием назвать «византийским сообществом наций». Правители Руси, по мысли Д. Д. Оболенского, признавали византийского василевса верховным главой этого сообщества, а следовательно, признавали определенную долю его верховенства над Русью. В то же время автор доклада полагает, что Русь не знала прямой политической зависимости от империи, поскольку византийский император не обладал ни политическими, ни военными возможностями для установления своего господства над русскими князьями. Это противоречие, по убеждению докладчика, снимается, если учесть те представления о суверенитете, которые имели место в Восточной Европе в период средневековья. Русские, считает Д. Д. Оболенский, отлично могли представлять отношения своей страны с Византией в двух различных планах: в своих собственных землях русский князь был суверенным владыкой, но по отношению к империи занимал подчиненное положение.

Касаясь проблемы культурного влияния Византии на Русь, докладчик предостерегал от преувеличения самобытности местных культурных достижений. По мнению Д. Д. Оболенского, местные варианты в целом могут оказаться менее важными, чем вся система ценностей, которую русские получили от Византии.

Доклад вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой было отмечено большое теоретическое значение поставленной проблемы — выяснение средневековой специфики политических взаимоотношений Византии и Руси.

В выступлениях Э. В. Удальцовой, Я. Н. Шапова, Э. Станеску (Румыния), Г. Цанковой (Болгария) подчеркивалось, однако, что автор доклада склонен рассматривать русско-византийские отношения статически, в отрыве от экономического, социального и политического развития обоих государств. Д. Д. Оболенский допустил значительное преувеличение роли церковно-политических теорий и религиозных мотивов в развитии русско-византийских отношений и в то же время недооценку реальных политических отношений империи с Русью.

Е. Ч. Скржинская отметила необходимость изучения экономических связей Византии с Киевским государством и предложила новое решение конкретного вопроса — локализации одного из пунктов византийской торговли в Северном Причерноморье — «России» (Маврокастрон) в устье Днестра.

Споры вызвали выводы Д. Д. Оболенского о характере влияния византийской культуры на древнерусскую.

Не получило одобрительного отклика скептическое отношение докладчика к достижениям местных культур, хотя он признал, что сами по себе они могли быть значительными, — по сравнению с выдающимися ценностями византийской цивилизации. В то же время в прениях подчеркивалась плодотворность прозвучавшей в докладе мысли о необходимости дифференцированного подхода к явлениям древнерусской культуры, поскольку в различных сферах духовной жизни византийские влияния воспринимались с разной степенью интенсивности. В частности, Я. Н. Шапов, полемизируя с утверждением докладчика о прямом заимствовании Русью наряду с религией, литературой и искусством византийского права, показал, что на Руси право возникло как местное, ставшее из обычного светского письменным церковным в результате активных действий со стороны церковной организации и помощи княжеской власти. Влияние византийского церковного права в ранний период, в XI—начале XII в., было малозаметно. В то же время в области литературных связей, как отметил в своем выступлении профессор Г. Хауссиг (ФРГ), византийское влияние на Русь можно опутить уже в X в.

Дискуссия о характере политических отношений Византийской империи с Русским государством, начатая в секции медиевистики докладом Д. Д. Оболенского, была продолжена в докладе директора византиноведческого Института в Белграде академика Г. А. Острогорского «Русь и византийская иерархия государств». Этим докладом открылись заседания Комиссии по византийским исследованиям.

Г. А. Острогорский отдал должное той политической концепции Византийской империи в ее отношении к внешнему миру, о которой уже шла речь в докладе Д. Д. Оболенского. Докладчик показал, что выражением этой концепции было представление о византийской иерархии государств, в которой каждое государство имело свой иерархический ранг. Однако основной мыслью доклада Г. А. Острогорского явилось обоснование глубочайшего противоречия между политической теорией о главенстве византийского императора над всем христианским миром и реальной исторической действительностью. По мнению докладчика, изучение реальных русско-византийских отношений решительно опровергает представление о вассальной зависимости Руси от империи и позволяет говорить лишь об известной зависимости идейного порядка.

В докладе было показано последовательное возрастание политического престижа Русского государства. Если в X в. представители Руси занимали самое скромное место в византийской иерархии государств, то с принятием христианства и вовлечением Руси в орбиту византийской цивилизации она заняла значительно более высокое место, хотя, отметил докладчик, в идейном плане и должна была признать известный приоритет Византии.

Докладчик сопоставил реальное положение Руси в византийской иерархии государств с положением действительных вассалов империи — Сербии, антиохийского и армянского княжеств, правители которых были обязаны оказывать Византии вассальную военную помощь, а сербский великий жупан в XII в. назначался и смещался византийским императором.

В то же время византино-русские отношения в XII в., в эпоху Комнинов, когда империя была сильна, характеризуются как договорные и союзные. Позднее, в условиях упадка Византии и укрепления Русского государства и соседей Византии на Балканах — сперва Болгарии Симеона, а затем Сербии Стефана Душана, — оказались поколебленными самые основы византийской политической системы, хотя Византия и продолжала отстаивать верховные права своего императора.

Пропасть между политическими претензиями империи и реальной действительностью достигла предела в XIV—XV вв., когда вконец обнищавшая, гибнущая под натиском турок Византия посылала на Русь «милости просити», а Москва отказалась признавать какие-либо права византийского императора, хотя и продолжала признавать авторитет греческой церкви.

Основной вывод доклада Г. А. Острогорского об отсутствии какой-либо политической зависимости Русского государства от Византийской империи получил полную поддержку в ходе обсуждения. В выступлениях Е. Э. Липшиц, В. Т. Пашуто, Г. Л. Курбатова, А. П. Каждана, болгарской византистки В. Тыпковой-Займовой была отмечена важная методическая особенность доклада: русско-византийские отношения исследуются здесь в их эволюции, притом на общеевропейском фоне. В этом докладе сделан значительный шаг вперед от изучения церковно-политических отношений Византии и Руси к исследованию их роли в истории международных отношений средневекового мира. Доклад Г. А. Острогорского, подчеркнул Г. Л. Курбатов, выходит далеко за пределы изучения только византино-русских отношений, проливая новый свет вообще на исследование системы взаимоотношений Византии с соседними народами.

Следующие два доклада могут быть объединены общей рубрикой «Русские в Таврике». Первым из них был доклад французской исследовательницы, профессора Сорбонны *Элен Арвейлер* «Отношения византийцев и русских в IX столетии».

Используя византийские и отчасти западные источники, Э. Арвейлер предприняла в своем докладе попытку разрешить спорный вопрос о местонахождении Руси в IX в. За отправной пункт своего исследования докладчица избрала известия византийских памятников о нападении русских на Константинополь в 860 г. То обстоятельство, что экспедиция была хорошо подготовлена, русские суда хорошо оснащены и экипированы, по мнению докладчицы, дает основание полагать, что русские имели морскую базу, которая должна была находиться в местности, сравнительно близкой к Константинополю, и во всяком случае недоступной контролю Херсона. Как известно, Херсон осуществлял надзор за западной частью северного побережья Черного моря и обычно оповещал Константинополь об опасности. Полная неожиданность нападения русских на Константинополь в 860 г. наводит на мысль, что они прибыли не с севера, а с востока, где — предположительно на побережье Амастриды — они имели свою базу. Местом же их расселения докладчица считает северо-восточный район современного Крыма, территорию, которую византийцы называли Тавроскифией, а селившихся здесь русских — тавроскифами.

Русские Тавроскифы были в начале 60-х годов IX в. крещены, после чего, по утверждению докладчицы, оказались в политическом подчинении у Византии и подверглись сильному византийскому влиянию. Их христианизация не имела той глубины и широты, которыми отличалась христианизация русских Киева, предпринятая более чем столетие спустя. В дальнейшем, полагает Э. Арвейлер, значение этой христианизации, равно как и подлинная политическая роль этого русского центра, были забыты в результате последующего возвышения северных русских политических образований в Поднепровье.

Выступившие в прениях по этому докладу В. Т. Пашуто, Г. Л. Курбатов, И. П. Шаскольский отметили, что доклад проигрывает из-за одностороннего использования источников и недостаточного привлечения автором русской и советской литературы вопроса. По мнению выступавших, Э. Арвейлер не удалось привести убедительных доказательств существования русской государственности в Крыму. В. Т. Пашуто обратил внимание докладчицы на то, что в науке доказано существование славянских, русских политических образований (поляне, северяне, вятичи) уже с IX в.

Следующим был прочитан доклад профессора Колумбийского университета в Вашингтоне *И. Шевченко* на тему «Время и автор так называемых фрагментов готского топарха». Объектом внимания И. Шевченко явился анонимный памятник, обычно датируемый концом X или XI в., который содержит рассказ о событиях в Причерноморье, связываемых одними авторами с действиями князя Владимира в Крыму, другими — с Поднепровьем или Подунавьем. Этот документ в 1819 г. был опубликован известным французским эллинистом Карлом Бенедиктом Газе и получил в научной литературе наименование «Записки готского, или греческого, топарха». Как известно, фрагментарность и неопределенность содержания «Записки» породили много споров и различных вариантов его интерпретации.

И. Шевченко предложил новое решение так называемой проблемы «греческого топарха». Он выступил на Конгрессе с гипотезой, согласно которой этот памятник является фальсификатом, сочиненным самим издателем. Газе якобы стремился удовлетворить запросы своего русского мецената графа Румянцева, который интересовался неопубликованными документами по истории Древней Руси.

Докладчик подкрепил свою гипотезу обширной аргументацией, приведя три группы доказательств. Первая из них основана на изучении архива Газе. И. Шевченко вскрыл немало противоречий в бумагах издателя, касающихся будто бы исчезнувшей впоследствии рукописи «Записки». Вторая группа включает выводы из текстологического анализа рукописного списка памятника, сделанного издателем. Докладчик указал на палеографически неоправданные замены одних слов другими, на необычное для византийской литературы X—XI вв. употребление ряда терминов, в частности слова «эллинский» в значении «цивилизированный» — вместо обычного «языческий», или титула «василевс» применительно к повелителям варваров.

Третья группа аргументов Шевченко касается личности самого издателя как ученого и человека. По мнению докладчика, тщеславие и любовь Газе к деньгам, своеобразие этических представлений окружавшей его среды, с одной стороны, и превосходные качества ученого, знатока греческого языка — с другой, могли служить мотивами создания фальсификата.

Доклад И. Шевченко произвел большое впечатление на аудиторию своей оригинальностью, неоспоримым исследовательским мастерством.

Тем не менее все выступавшие — Г. Л. Курбатов, Г. Г. Литаврин, М. Я. Сюзюмов, Б. Л. Фонкич были солидарны в том, что эта гипотеза не может быть принята в качестве окончательного решения проблемы. Как показали оппоненты Шевченко, выдвинутая им аргументация при всем ее остроумии и широте тем не менее уязвима. Значительная часть доказательств по своему характеру субъективна: приведенных в докладе фактов об обстоятельствах обнаружения и издания памятника, о личности самого Газе и его коллегах явно недостаточно для уверенных и строго научных выводов. Текстологический анализ докладчика тоже нуждается в коррективах. Г. Г. Литаврин и Б. Л. Фонкич убедительно показали, что заключения И. Шевченко об использовании терминологии, применении лексических и фразеологических параллелей в тексте «Записки» и других византийских памятниках далеко не бесспорны. Все выступавшие признали памятник подлинным, но отметили, что он нуждается в дальнейшем изучении, в ином толковании, возможно, в иной датировке, нежели те, которые до сего времени были сделаны.

В докладе профессора Тюбингенского университета (ФРГ) *Людольфа Мюллера* из обширной темы «Русские в Византии и греки на Руси» была взята только одна частная проблема — о роли греческих митрополитов на Руси до 1240 г. Докладчик ставит вопрос: в чем видели греческие митрополиты смысл своей деятельности на Руси — были они политическими представителями византийского императора и действовали в его интересах или они были духовными пастырями вверенной им церкви. Автор полагает, что в их деятельности не было политической окраски и что они выступали лишь как духовные руководители церкви.

Работа Комиссии по византийским исследованиям завершилась докладом *В. Н. Лазарева* «Связи древней Руси и Византии в области искусства». В этом докладе, сопровождавшемся показом русских и византийских памятников, были вскрыты характер и степень византийского влияния на архитектуру и живопись Древней Руси, прослежены эволюция и стадии этого влияния. В. Н. Лазарев полагает, что наиболее тесными византизо-русские связи в искусстве были в XI в., а позднее, вместе с упадком империи, постепенно ослабевало влияние византийской цивилизации, более того, оно в известной мере начинало даже задерживать развитие русского искусства. Докладчик подчеркнул наличие глубоко самобытных черт в русском искусстве, особенно проявляющихся с начала XV в.

Основные положения доклада В. Н. Лазарева были развиты в выступлениях О. С. Поповой, М. А. Ильина, А. И. Комеча, О. И. Подобедовой.

Близким к тематике византийской Комиссии Конгресса оказался в ряде разделов доклад бельгийского ученого *Шарля Верлиндена* «Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г.», прочитанный в секции медиевистики. В докладе содержался раздел, посвященный русской торговле на Черном море, причем докладчик уделил главное внимание торговле русскими рабами, подчеркнув ее значительный размах.

В прениях по докладу А. Л. Хорошкевич отметила, что работорговля была в значительной мере побочным результатом татаро-монгольского ига. Рабы поступали в Тану обычно после татарских нападений на русские земли, население которых вводилось в плен. Торговля эта затрудняла хозяйственное развитие России, влияла отрицательно и на развитие экономики Европы, где работорговля способствовала в известной мере сохранению архаичных форм эксплуатации.

По мнению Е. Ч. Скржинской, Б. Цветковой (Болгария), докладчик сузил проблему русской торговли на Черном море, сведя все ее многообразие к одной лишь торговле рабами.

Споры вызвал доклад известного медиевиста и историка церкви *Френсиса Дворника* (США) «Миссии греческой и западной церковей на Востоке в средние века». Доклад был посвящен миссионерской деятельности византийской и католической церковей за тысячелетний период — с IV по XIV в. Интерес вызвала прежде всего попытка докладчика обобщить огромный фактический материал, ибо автор рассматривает проблему на широком фоне исторических событий и на огромном пространстве — от Адриатического моря до Тихого океана. Сопоставление обширного материала, сделанное в докладе, полезно и плодотворно, так как наглядно обнаруживает масштабы активности христианской церкви в средние века.

Однако миссионерская деятельность христианской церкви представляется Ф. Дворнику преимущественно как явление духовно-просветительское, тогда как на самом деле она была результатом политической деятельности Рима, Константинополя и других христианских центров. Миссионерская деятельность христианских церковей в докладе оказалась представленной как единый процесс, плавный поток взаимодействия христианства, с одной стороны, и нехристианского мира, подлежащего христианскому просвещению, — с другой. Цепь расколов, борьба течений и сект в истории христианской церкви, результаты которой сказывались на ходе миссионерской деятельности, — эти вопросы оказались вне поля зрения докладчика.

Тенденция к идеализации миссионерской деятельности, ее отрыв от политических целей христианской церкви — таков основной недостаток доклада Ф. Дворника, отмеченный его оппонентами В. Т. Пашуто, А. П. Кажданом, А. П. Новосельцевым, А. И. Роговым.

Р. А. Осипова

ДЕВЯТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКАЯ СЕССИЯ В ЕРЕВАНЕ

Состоявшаяся 11—13 мая 1971 г. в Ереване девятая византиноведческая сессия подвела итоги развития советского византиноведения за два года, прошедшие со времени последней, восьмой конференции византинистов в Свердловске в октябре 1969 г. Сессия была организована Отделением истории АН СССР и Отделением общественных наук АН Армянской ССР. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Свердловска, Баку, Тбилиси, Еревана, Волгограда, Казани, Калинин, специалисты по истории Византии, Древней Руси, Грузии, Армении, археологи, литературоведы, искусствоведы, работники музеев и библиотек. На пленарных и секционных заседаниях было прочитано около 70 докладов. Одновременно работали четыре секции: истории и истории права; истории общественной мысли и литературоведения; источниковедения и вспомогательных дисциплин; археологии, архитектуры и истории искусства.

Конференция была посвящена основным проблемам истории Византии и пограничных с ней государств. Были рассмотрены наиболее спорные и малоизученные вопросы: 1) особенности византийского феодализма и специфика развития феодальных отношений в сопредельных странах; 2) взаимоотношения Византии с Древней Русью и государствами Закавказья; 3) история византийской культуры и ее взаимодействие с культурой народов Кавказа, Древней Руси и славянских стран.

Сессию открыл председатель Оргкомитета академик АН Армянской ССР *С. Т. Еремян* (Ереван). Он отметил большое значение изучения истории и культуры Византийской империи, поскольку она оказала огромное влияние на сопредельные с ней страны. Вместе с тем он подчеркнул невозможность исследования истории Византии независимо от истории соседних с нею народов; сыгравших определенную роль в ее жизни. В отличие от зарубежных ученых, уделявших внимание в основном политической истории Византии и истории византийской культуры, советские византинисты